

Иеромонах Иероним (Миронов),
кандидат педагогических наук,
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ.

Социальная нестабильность, вызванная радикальными изменениями, происходящими в нашей стране последние десятилетия, привела к пересмотру духовно-нравственных основ общественной жизни. Изменения и их последствия особенно коснулись молодежи и детей школьного возраста. С одной стороны, появились широкие возможности для обогащения разнообразными знаниями, в том числе о религии, с другой – в условиях превратно понятой свободы и демократии неокрепшие души невольно оказываются под воздействием разнородных информационных потоков, в числе которых и те, что своими порочными и безнравственными примерами способствуют растлению молодого поколения. В этой ситуации встают вопросы воспитания подрастающего поколения, развития человека, его сознания и отношения к миру на основе выработки истинных ценностных ориентаций, среди которых традиционно важная роль принадлежала религиозной (православной) культуре.

По мнению В.И. Слободчикова, одна из современных тенденций «связана с порабощением внутренней жизни, всего сознания человека материальными, телесными, плотскими потребностями. Современная цивилизация не только решительно отрицает созерцание, душу, вечность, но пытается открыто отвергнуть идеальную ипостась человека. Складывается мощная индустрия по наращиванию экзотических, а чаще извращенных потребностей, по превращению их в главный мотив поведения и ценностного устремления» [15, с. 31].

Религиозная педагогика противостоит современной антикультуре распада, атомизации личности и общества. В данном контексте именно православная педагогическая традиция способна осуществить цель воспитания, определяемую С.И. Гессеном как «приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного» [2, с. 86]. На этом пути происходит духовное становление личности.

Как отмечает В.И. Слободчиков, «в подавляющем большинстве современных концепций и программ развития образования... речь идет о постановке беспрецедентной задачи для образования: оно должно стать универсальной формой становления и развития

базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но прежде всего подлинным субъектом культуры и исторического действия» [15, с. 33]. Так, полагаем мы, речь идет о смене образовательной парадигмы, которая предполагает религиозный аспект. Это обусловлено, во-первых, устойчивостью и широким распространением религиозного миропонимания, во-вторых, традицией русской культуры, смыслообразующим понятием которой является духовность, ориентирующая на соответствующие нормы поведения и ценности. Так, с точки зрения И.А. Ильина, главным атрибутом культуры является духовность [7, с. 301], имеющая свой источник в Боге. В «основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культуротворящего человека. Религиозность есть живая первооснова истинной культуры» [9, с. 400].

Религия, понимаемая нами в духе древней христианской традиции и русской религиозной философии как процесс совершенствования, «богоуподобления» человека, направленный на воссоединение (по Аврелию Августину) Бога и человека, подразумевает собой воспитание и самовоспитание. Неслучайно, полагаем мы, один из первых христианских богословов Климент Александрийский (III век) назвал свой основополагающий труд – «Педагог». В своем сочинении он представляет Иисуса Христа как величайшего общечеловеческого педагога и идеал воспитателя. Климент относит к воспитываемым всех людей. У всех один Учитель — Христос, поэтому все являются детьми, все находятся в состоянии устремленности к нравственной чистоте [13, с. 35-44].

Педагогика Христа, по мнению Климента, состоит в наставлении тому, как служить Богу, в обучении, которое приводит к познанию истины. Однако этот путь, не бывает легким, он связан с преодолением трудностей на основе веры и знания. Климент указывает на действия Христа как пример для воспитателей. Христос-Педагог, — рассуждает он, — при воспитании прибегает к увещаниям; порицаниям, благодеяниям. Так должны поступать и воспитатели. Воспитывать людей не одним учением своим, но главным образом примером собственной жизни, побуждая к добродетели.

Отсюда главная цель воспитания, по мнению Климента Александрийского, указана Педагогом-Христом — это нравственное усовершенствование человека и вечное спасение. Для достижения этой цели находятся все педагогические средства, содействующие укреплению веры, которая должна лежать в основании всякого знания. Климент полагал, что нет веры без знания, но нет и знания без веры. Вера есть основание знания; и знание есть здание, которое разум строит на вере. Вера столь же необходима для знания, как знание для веры.

Понятие «вера», имеет много определений, в том числе противоположных. Однако оно имеет истоком латинское – *veritas* – истина (*verus* – истинный). Поэтому в конкретном случае необходимо говорить о сути, которая предполагается, когда говорят о вере как интуитивном постижении сущностей. «Из «веры» как единого, родового понятия, - пишет философ Д.В. Пивоваров, - не удастся логически вывести многообразие видов веры, поскольку одни усматривают в «вере» родовой признак «знать», а другие настаивают на дефиниции «веры» как формы незнания» [14, с. 463].

Поскольку религию «иногда (в особенности в христианстве) предпочитают называть верой, а в иных случаях ее определяют, как особое знание» [14, с. 461], для нашего исследования методологически и инструментально важно выделить в религии оба понятия – вера и знание, чтобы отграничиться от понимания религии и веры как «слепой» бессодержательной веры, противостоящей знанию (сознанию, разуму). До тех пор, пока человек будет рассматриваться в его данности, то есть в греховной раздробленности, без учета его заданности, то есть онтологической целостности, установить правильное соотношение между верой, разумом и знанием невозможно. Вместо подлинной веры в этих случаях обычно выступает «рассудочная» вера; вместо знания – «голое ведение» [11, с. 217]; вместо разума – «духовно бескрылый и беспомощный ум» [6, с. 101].

В православном христианском миропонимании, как отмечал В.В. Зеньковский, действуют два неразнонаправленных вектора: «1) христианство есть учение об этой жизни, 2) христианство есть учение о вечной жизни» [4, с. 7-8]. Всякое учение имеет в основе знание, которым ученик овладевает в процессе сознательного освоения.

При этом если воспитание предполагает намеренное влияние на воспитанника с определенной целью, руководство им для достижения своего назначения, то должно содействовать тому, чтобы все способности человека образовывались в соответствии с этим назначением. С древнейших времен человека справедливо называли микрокосмом (малым миром), имеющим, с одной стороны, биологическую природу, с другой – социальную, в которой он является носителем и творцом культуры. С позиций религиозной антропологии он создан по образу и подобию Божию, поэтому ориентирован на высшее, духовное предназначение. Согласно христианской антропологии, полагал В.В. Зеньковский, «личность построена иерархически, и правильное устройство предполагает не равномерное развитие всех ее сторон, а соблюдение иерархии в развитии сил» [4, с. 22]. Значит, раскрывать, развивать, следовательно, воспитывать личность следует иерархично, поскольку она есть, прежде всего, явление духовного мира. Поэтому основополагающим должно быть развитие духа. Так русский подвижник XIX века святитель Феофан Затворник говорил по этому поводу, что чем раньше «напечатлеется» в душе ребенка страх Божий и

возбудится молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время. Молитва, здравые понятия, хороший пример и другие способы обучения добру располагают совесть ребенка к последующей доброй деятельности. Но поскольку личность ребенка живет разнообразной социальной жизнью, постольку речь идет о физическом — благоразумном воспитании телесных потребностей — и о психическом развитии, связанным с его душой [17, с. 25-68]. Именно так, согласно православной педагогической традиции, достигается предназначение человека к счастью. Ибо счастье не вне нас, а внутри нас, в нашем сознании, в нашем духе. Обращаясь к родителям, русский педагог К.В. Ельницкий (1846-1917) в своих «Записках старого учителя» указывал: «Богатство, слава, высокое общественное положение сами по себе не могут доставить человеку счастья....Жить по Евангелию, как Бог велел, — вот счастье и благо человека» [3, с. 160].

При этом деятели отечественной педагогики: К.Д. Ушинский, В.Я. Стоюнин, Л.Н. Модзалевский и другие — писали о воспитании религиозного чувства как одной из главных задач воспитания. Основное значение религии в деле образования связано, по Ушинскому, не с передачей знаний в готовом виде, а с задачей развития умственной способности ученика, устремленного к вечно непостижимому: «Наука изучает только постижимое, религия устремляет дух человека к вечному и вечно непостижимому» [16, с. 432]. П.Ф. Каптерев писал о том же, когда утверждал, что каждого учителя мы можем признать учителем религии [12, с. 434].

В центр религиозного (православного) воспитания В.В. Зеньковский поставил задачу спасения души так, как она понимается в православном богословии [5, с. 124]. Опираясь на принципы христианской антропологии, он подчеркивал, как и другие русские мыслители, приоритет духовного начала в человеке, подразумевая под ним «неутомимое искание Бесконечности» [5, с. 150].

Но христианство, и это особенно ценно для религиозной педагогики, не только путь спасения человечества, но и откровение о человеке, о Церкви, которая есть тело Христово, но которая в то же время есть Богочеловеческий организм, то есть неслиянное и нераздельное сочетание Божественного и человеческого начал. Христианство, по словам В.В. Зеньковского, больше знает о человеке, больше верит в него, глубже понимает его, чем философия просвещения [5, с. 17]. Христианство есть откровение, которое дано человеку свыше не для того, чтобы «как-нибудь» приспособиться и «выжить», но для того, чтобы достойно нести свой жизненный крест. Христианство предполагает благословение меняющейся жизни, а не уход от ее проблем. И это требует от каждого невероятных усилий.

Если светская педагогика понимает жизнь человека как временный период, ограниченный рамками земной жизни, законченный и самоценный, то православная

педагогическая традиция рассматривает бытие человека, его экзистенцию в категориях «вечность» и «бессмертие» и строит воспитание конкретной личности на этих понятиях. Но личность связана ответственностью перед Богом и людьми не только за свою жизнь, но и за сохранение и развитие исторических и культурных традиций своего народа, история которого уходит в эсхатологическую перспективу, к которой все приобщаются через смерть. «Нельзя так жить, как если бы не было смерти, но нельзя так и воспитывать, как если бы не было смерти» [5, с. 132], – писал В.В. Зеньковский.

При этом православная педагогическая традиция признает реальность духовной основы человека и реальность духовного мира. Многовековой опыт религиозного (православного) воспитания показывает, что нельзя «организовать» духовную жизнь в «частичном» человеке только через развитие его психофизических функций, как нельзя прийти к духовному росту только через развитие интеллекта, воли или чувств, хотя духовная жизнь опосредуется этим развитием душевной организации. Поэтому еще в XIX веке святитель Феофан писал: «Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания – причина этому или в неведении такого порядка, или в небрежении о нем. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает направления превратные, ложные и вредные, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где воспитание совершается не без внимания и подчиняется известным правилам, оно оказывается нередко бесплодным и уклоняющимся от цели по причине ложных идеалов и начал, на которых строится порядок его. Не то имеется в виду, не то поставляется главным, что должно; именно не Богоугождение, не спасение души, а совсем другое – или усовершенствование сил только естественных, или приспособление к должностям, или годность к жизни в свете и проч. Но, когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на нем не может вести к добру» [17, с. 62].

В поучениях святителя Иоанна Златоуста есть указание на цель воспитания: «Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его в наказании и учении Господнем. Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: чти отца твоего и мать твою – слова, направленные к твоей пользе. Не говори: «Слушание Писаний – дело монахов; ужели мне его сделать монахом? Нет надобности быть ему монахом». Что это в тебе за страх, боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином» [10, с. 198].

Воспитательная цель, поставленная святителем Иоанном Златоустом, созвучна святителю Феофану: «Главная цель христианского воспитания, чтобы человек вследствие этого сказал в себе, что он христианин... возникши к самостоятельности, или к своеобразному разумному учреждению жизни, он поставит для себя первым существенным делом –

самостоятельно хранить и возгревать дух благочестия, в котором ходил прежде по чужому руководству» [17, с. 46].

Таким образом, в соответствии с данным пониманием христианства целью воспитания в православной педагогической традиции является, прежде всего, подготовка ребенка к вечной жизни, «к жизни в вечности, в Боге и с Богом, чтобы земные дни не пропали даром, и чтобы смерть не была духовной катастрофой» [4, с. 51]. В этом одна сторона воспитания, рассуждал В.В. Зеньковский, но не менее важной является и вторая – подготовка к этой жизни, так как эта жизнь дает не только возможность приобрести жизнь вечную, но дает возможность и потерять ее. Он писал: «Как будет пройдена эта жизнь - так она отзовется в вечной жизни, мы живем так, что эта жизнь является только ступенью в вечность» [4, с. 51]. Таким образом, обе задачи (воспитание для вечной жизни и для земной жизни) должны правильно сочетаться и образовывать целостную, единую цель воспитания. Следовательно, принципиальная разница религиозной (православной) и светской педагогики – не в противоположности целей, а в целевой недостаточности светской, в отсутствии у нее цели «высшего уровня», которая, являясь иерархически главной, «снимает» цель «первого уровня» – воспитание для земной жизни. При этом философское понятие «снятие» не означает уничтожение низшего высшим, а образование иерархической целостности.

Явным достоинством религиозного (православного) образования и воспитания, на наш взгляд, является их особенность, связанная с представлением христианина о реальности жизни земной и загробной, на которые ориентирован духовный мир ребенка с самых ранних лет. Такое воспитание в духе благочестия будет способствовать и земному благосостоянию человека, потому что без истинно благочестивого чувства нет истинной любви к себе и ближним, нет верности властям и отечеству, нет стремления к общей пользе. В то же время признаем, если при воспитании обращается внимание только на подготовку к вечной жизни, то, возможно, что многое индивидуальное (например, талант) в ребенке останется не раскрытым.

Созвучность этим идеям мы прослеживаем в позднем творчестве С.И. Гессена [1], который дал интерпретацию связи иерархической структуры личности и воспитания, обозначив четыре плана бытия: биологический, социальный, духовно-культурный и благодатный. Им соответствуют четыре уровня воспитания человека: как психофизического организма, как общественного индивида, как личности, включенной в культурную традицию, и как члена царства духа. Последнее он определял, как Царство Божие.

И.А. Ильин называет такое воспитание «предметным», имея в виду христианскую «предметность». «Жить предметно, – писал он, – значит, связать себя (свое сердце, свою волю, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с той ценностью, которая придает моей жизни высший, последний смысл... Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле – Божьему Делу – «прекрасной жизни», по словам Аристотеля, «Царству Божьему», по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единый и великий Предмет истории. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь» [8, с. 182].

Для теории и практики важно, что именно через воспитание христианской «предметности» происходит ориентация личности на высшие духовные ценности, формируется духовно здоровый член общества и только тогда лишь можно надеяться на благополучие общества и государства. И.А. Ильин писал: «жадный пустит в ход все средства, продажный все продаст, человек в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. ... Никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни благородства» [8, с. 40]. Но когда сообщество, семья объединяют духовно здоровых людей, то там практически не возникает серьезных социальных и семейных проблем.

Конкретизируя смысл воспитания в православной педагогической традиции, мы говорим о необходимости развить и укрепить дух, душу и тело ребенка, помочь ему в раскрытии образа Божия в нем и устранить все то, что замедляет это раскрытие. Тезис о первичности духовного начала в человеке, как полагает В.И. Слободчиков, является центральным для христиански ориентированной педагогики [15, с. 33]. Но пробуждение духовной жизни, одухотворение души происходит в определенных условиях. Создание этих условий составляет задачу педагогической деятельности, для ее решения, полагаем мы, необходима разработка модели становления личности в православной педагогической традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гессен, С.И. Моё жизнеописание / С.И. Гессен; Предисл. к публ. и послесл. А. Валицкий // Вопросы философии. - 1994. - №7-8. - С. 150-187
2. Гессен, С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию: Учебное пособие для вузов / С.И. Гессен; Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: "Школа-Пресс", 1995. – 448 с.

3. Ельницкий, К.В. О воспитании / К.В. Ельницкий. – М.: Школьная Пресса, 2004. – 192 с.
4. Зеньковский, В.В. Педагогика / В.В. Зеньковский. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2004. – 224 с.
5. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М.: Изд-во Св.-Владимир. Братства, 1993. – 224 с.
6. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2 томах. Тт. 1-2 / И.А. Ильин; Сост. и вступ. статья И.Н. Смирнов. – М.: ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.
7. Ильин, И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И.А. Ильин. – М.: Эксмо, 2006. – 912 с.
8. Ильин, И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. I / И.А. Ильин; Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с.
9. Ильин, И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3 / И.А. Ильин; Сост. и коммент. Ю. Т. Лисица. – М.: Русская книга, 1994. – 592 с.
10. Иоанн Златоуст, свт. Избранные творения. Ч. 2. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. – 525 с.
11. Исаак Сирий, прп. Подвижнические наставления. // Добротолубие. Т. II. – Минск: Харвест, 2003. – 320 с.
12. Каптерев, П.Ф. Избранные педагогические сочинения / П.Ф. Каптерев. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
13. Климент Александрийский. Педагог / Пер. с греч. Н.Н. Корсунский, священник Георгий Чистяков; Вступ. ст. прот. Иоанн Свиридов. – М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. – 290 с.
14. Пивоваров, Д.В. Философия религии: Учеб. Пособие / Д.В. Пивоваров. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 640 с.
15. Слободчиков, В. И. Антропологический кризис в современной европейской культуре. Кризис человеческого в человеке / В. И. Слободчиков. // Просветитель. – 2008. – №3. С. 30-33.
16. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2 / К.Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1989. – 416 с.
17. Феофан Затворник, еп. Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетике) / еп. Феофан Затворник. – М.: Типо-литография И. Ефимова, 1899. – 512 с.